

Кукуша

Чунина
философия
(Кукуша #9)

Кукуша Кукуша

Чунина философия (Кукуша #9)

<https://litres.ru/74071179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кукуша привыкла управлять жизнью через планы: расписания, списки, философские схемы. Она верила, что идеальный день и идеальный мир можно спроектировать до мелочей. Но появление собаки Чуни разрушает все её конструкции. Чуня не признаёт расписаний — она живёт интуитивно, радуется каждому мгновению, не держит обид и не знает слова «надо». Наблюдая за ней, Кукуша начинает переосмысливать свои взгляды. Через череду комичных и трогательных ситуаций — украденное масло, сорванный круг, болезнь и исцеление, спасение одинокого соседа — она осваивает новые принципы. Чуня учит её быть здесь и сейчас, прощать, любить без условий и не бояться ошибок. Постепенно Кукуша приходит к главному открытию: философия — не в толстых книгах, а в каждом прожитом дне, в тёплом дыхании на коленях, в умении замечать радость вокруг. Рассказ — трогательная и мудрая притча о том, как собака стала для своей хозяйки лучшим учителем и напомнила, что счастье не нужно планировать — его достаточно просто заметить.

Кукуша

Чунина философия

(Кукуша #9)

Пролог. План, который не сработал

Кукуша всегда любила планы. С детства она составляла списки, расписания, философские схемы. Ещё в школе она вела тетрадь «Идеальные дни» — туда записывались поминутные расписания, которые никогда не исполнялись. «План спасения мира» был написан ею в шестнадцать лет и занимал три тетрадных листа мелким почерком с примечаниями на полях. «План проведения идеального круга» висел на стене в общежитии — на нём даже были схемы расположения участников для достижения максимальной соборности. «План выращивания мандаринового дерева из косточки» до сих пор лежал в ящике письменного стола: дерево не выросло, но Кукуша бережно хранила сухую косточку как напоминание о том, что планы — это форма искусства, а не инструкция к действию.

Но с появлением Чуни планы перестали работать. Сначала Кукуша думала: это временно, собака привыкнет к режиму, я её дисциплинирую. Через неделю она поняла: дисциплинировать Чуню невозможно, потому что у Чуни своя философия, и в ней слово «план» отсутствует как понятие.

В то утро Кукуша проснулась с чётким намерением. Она даже написала расписание на листе бумаги и приклеила его на холодильник магнитом в виде мандарина. Расписание выглядело так:

7:00 — подъём

7:15 — завтрак (овсяная каша, чай с ромашкой, бутерброд с сыром)

8:00 — прогулка с Чуней (маршрут: вокруг дома, два круга по двору)

9:00 — занятия с Софией (буквы, цифры, развитие мелкой моторики)

10:30 — философское чтение (Соловьёв, глава третья)

12:00 — обед (суп, салат, компот)

14:00 — круг во дворе (пришли все, кто обещал)

16:00 — уборка квартиры (полы, пыль, мытьё мисок Чуни)

18:00 — ужин (запеканка, чай с вареньем)

20:00 — чтение на ночь Софии (сказка про собаку, которая нашла счастье)

22:00 — сон

— Сегодня будет идеальный день, — сказала она себе в зеркало. Зеркало промолчало — оно давно привыкло к Кукушкиным планам.

Чуня, спавшая на её ногах, открыла один глаз. В её взгляде читалось: «Конечно, дорогая. Конечно, продолжай себя тешить». Потом Чуня зевнула, показав розовый язык и ост-

рые клыки, и снова закрыла глаз — мол, я предупреждала, но делай, как знаешь.

В 7:15 Кукуша приготовила завтрак. Каша удалась на славу — не слишком густая, не слишком жидкая, с щепоткой корицы. Чай заварился ровно три минуты. Бутерброд был уложен красиво: сыр ровным слоем, сверху — веточка укропа. Кукуша уже потянулась за блокнотом, чтобы поставить галочку напротив пункта «завтрак», когда в 7:16 Чуня стянула со стола кусок масла. Не просто стянула — она сделала это с изяществом профессионального вора. Прыжок, и масло исчезло вместе с бумажной салфеткой, на которой оно лежало. Чуня прожевала салфетку с таким видом, будто это был изысканный деликатес.

— Чуня! — закричала Кукуша. — Это был план! Масло входило в калорийный расчёт! Салфетка не входила ни в какой расчёт!

Чуня вильнула хвостом и побежала к двери. Мол, не отвлекайся на ерунду, пора гулять. Время не ждёт.

В 8:00 вместо спокойной прогулки по утверждённому маршруту Кукуша мчалась за Чуней по всему двору. Чуня учуяла кошку — рыжую нахалку, которая сидела на заборе и демонстративно умывалась. Рванула в кусты. Кукуша — за ней. В результате Кукуша порвала колготки, испачкала куртку и наступила в лужу. Кошка спокойно ушла по своим кошачьим делам, даже не взглянув на эту собачье-человеческую суету.

В 9:00 вместо занятий с Софией Кукуша оттирала молоко с дивана. София, которой дали стакан молока для развития крупной моторики и укрепления костной ткани, решила проверить закон гравитации. Молоко разлилось идеально — по всей поверхности дивана, на котором лежала открытая книга Кукуши о смысле жизни.

— Смысл жизни теперь в том, чтобы отстирывать молоко, — мрачно сказала Кукуша.

София заплакала. Чуня пришла, лизнула девочку в щёку — мол, не плачь, с твоей мамой такое случается часто.

В 10:30 вместо философского чтения Кукуша всё ещё оттирала диван, потом стирала наволочки, потом вытирала пол. Соловьёв лежал на столе и ждал. Кукуша посмотрела на книгу и подумала: «Соловьёв, ты бы понял. У тебя тоже наверняка была собака».

В 12:00 она забыла про обед. Потому что Чуня принесла в дом дохлую мышь. Не просто принесла — положила её на пороге, как дар, как самое ценное, что можно предложить любимой хозяйке. С таким видом, словно преподносила бриллиант.

— Чуня, — сказала Кукуша, стараясь не закричать снова. — Это мышь. Мёртвая мышь. Я её не хочу.

Чуня склонила голову набок — мол, странная ты, хозяйка. Такое вкусное, полезное, а ты отказываешься.

Пришлось выносить мышь, мыть пол, мыть руки Чуне, мыть свои руки три раза подряд.

В 14:00 на круг пришли только баба Зина и дядя Гриша. Баба Зина пришла, потому что ей было скучно. Дядя Гриша — потому что хотел пожаловаться на жизнь. Остальные не пришли: кто заболел, кто забыл, кто просто не захотел выходить из дома в такую погоду.

— Ну что, круг? — спросил дядя Гриша. — Нас трое. Круг из трёх человек — это не круг, это угол.

— Это треугольник, — поправила баба Зина. — Фигура устойчивая.

Круг состоялся, но он был каким-то тоскливым. Дядя Гриша жаловался на печень. Баба Зина — на внуков, которые не звонят. Кукуша пыталась говорить о соборности и всеединстве, но на фоне жалоб на печень это звучало неубедительно.

В 16:00 уборка превратилась в игру «Кто быстрее соберёт разбросанные Чуней игрушки». Чуня, видимо, решила, что уборка — это новая игра, поэтому она разбрасывала игрушки быстрее, чем Кукуша их собирала. София помогала — то есть перекидывала игрушки из кучки в кучку и обратно.

В 18:00 Павел сказал, что суп пересолен. Он сказал это спокойно, без претензии, но Кукуша восприняла как трагедию. Она варила этот суп по плану, точно отмеряя соль, но в процессе оттирания молока и выноса мыши забыла, сколько ложек уже положила.

— Я не солёная, — сказала Чуня своим взглядом. — Я вообще не суп.

В 20:00 София уснула только в 21:30. Она долго вертелась, просила пить, просила сказку, просила «ещё пять минуточек», а потом спросила, почему у Чунии такой холодный нос. Кукуша объяснила, что у собак нос холодный, потому что они так дышат. София спросила: «А у мамы нос тёплый, потому что мама дышит по-другому?» Кукуша не нашлась, что ответить.

В 22:00 Кукуша лежала на диване и смотрела в потолок. Потолок был белым, на нём не было планов, расписаний, философских схем. Только одна трещина, похожая на собачью морду.

— Идеальный день, — пробормотала она. — Чуня, ты разрушила все мои планы. Каждый. До единого. Даже тех, которые никак не касались тебя.

Чуня вздохнула и положила голову ей на колени. Мол, ничего страшного. Завтра новый день. А планы — они такие. Ломаются. Как старые игрушки. Как прошлогодние мандарины. Как надежды на идеальную жизнь.

Кукуша погладила собаку и вдруг поняла: она совсем не расстроена. Устала — да. Вымотана — да. Чувствует себя неудачницей — немного. Но не расстроена. Даже наоборот — внутри было какое-то странное, незнакомое спокойствие. Как будто Чуня сказала ей не словами: «Перестань планировать. Просто живи. Смотри, как у меня получается. Я не парюсь».

Она достала дневник — потрёпанную тетрадь в синей об-

ложке с пятнами от кофе и, теперь уже, от молока — и написала:

«Сегодня Чуня научила меня первой вещи: планы не имеют значения. Имеет значение то, как ты реагируешь на их крушение. Собака не умеет планировать. Но она умеет быть счастливой здесь и сейчас. Я хочу научиться так же. Правда, я не умею вилять хвостом. Но, наверное, это не обязательно».

Она закрыла дневник и почесала Чуню за ухом. Собака зажмурилась от удовольствия и вздохнула — глубоко, как человек после долгого разговора.

— Ты — мой учитель, — сказала Кукуша. — Лохматый, пахнущий псиной, иногда ворующий масло — но учитель. И что это говорит о моей философии? Что она стоила трёх лет изучения Соловьёва, если собака знает больше?

Чуня лизнула её в нос.

— Урок усвоен, — сказала Кукуша и выключила свет.

В темноте она слышала ровное дыхание Чуни и думала: «Может быть, философия — это не то, что мы читаем в книгах. Может быть, философия — это когда живое существо лежит на твоих ногах и ничего от тебя не требует».

Глава 1. Теория спонтанности

На следующее утро Кукуша проснулась без плана. Вообще. Без расписания, без списка, без приклеенного на холодильник листочка. Она просто открыла глаза, полежала минуту, глядя в потолок, потом встала, налила кофе, села у ок-

на и посмотрела на двор. За окном было серое небо, мокрый асфальт, и какая-то птица чистила перья на ветке тополя.

— Ты заболела? — спросил Павел, заметив отсутствие блокнота и ручки. Он стоял в дверях с Софией на руках и выглядел встревоженным — Кукуша без плана в девять утра была явлением почти мистическим, как снег в июле.

— Нет. Я экспериментирую. Чуня считает, что планы — это зло.

— Чуня — собака. Она вообще не умеет считать. У неё нет абстрактного мышления.

— А вот и есть! — возразила Кукуша. — Она считает кусочки колбасы. Я проверяла. Даёшь три — съедает три. Даёшь два — обижается. Значит, считает.

Павел вздохнул — этот спор он уже проиграл заранее, как только начал.

— Хорошо. Допустим, считает. Но философия?

— У неё своя философия, — твёрдо сказала Кукуша. — Я называю её Чуниной философией. Главный принцип: живи сейчас, ешь что дают, радуйся каждому хвосту — своему или чужому, неважно.

— Это называется гедонизм, — усмехнулся Павел.

— Нет. Гедонизм — это удовольствие ради удовольствия, расчётливое, продуманное, почти скучное. А Чунина философия — это удовольствие от того, что ты просто есть. Что ты дышишь. Что у тебя есть нос, которым можно нюхать землю, и хвост, которым можно вилять, когда тебе хорошо. Ге-

донист сказал бы: „Я хочу получить удовольствие, поэтому сделаю то-то“. А Чуня говорит: „Я уже получаю удовольствие прямо сейчас, потому что я живу“. Понимаешь разницу?

Павел задумался.

— А если нос заложен?

— Тогда радоваться, что когда-то он был здоров. И что завтра, возможно, высморкается. Чуня не унывает из-за мелочей. У неё аллергия на пыльцу? Она чихает и бежит дальше. Она не сидит и не думает: „О, у меня аллергия, жизнь кончена“.

— Ты серьёзно? — Павел поставил Софию на пол, и девочка тут же побежала обнимать Чуню.

— Абсолютно. Я решила провести день без плана. Целый день. Как эксперимент.

— Долго не продержишься, — покачал головой Павел. — Я тебя знаю. К обеду начнёшь нервничать.

— Посмотрим.

Кукуша оделась, взяла поводок — просто так, на всякий случай, хотя план не предусматривал поводка, потому что не было никакого плана — и вышла гулять с Чуней. Павел с Софией пошли с ними — тоже без плана, просто потому что на улице было не холодно, а сидеть дома надоело.

Кукуша хотела пойти обычным маршрутом — вокруг дома, мимо магазина, через сквер. Но Чуня решила иначе. Она потянула в противоположную сторону — туда, где Кукуша никогда не гуляла, потому что это было „не по пути“. Чу-

ня шла медленно, обнюхивая каждый столб, каждую травинку, каждую трещину в асфальте. Она изучала мир со всей серьёзностью учёного, который пишет диссертацию по запахам.

— Куда мы идём? — спросила Кукуша.

Чуня не ответила. Она свернула за угол, потом ещё за один, потом прошла через арку.

И вдруг Кукуша увидела парк. Не тот, в который она иногда забегала по дороге на работу. А другой — маленький, заброшенный, с кривой аллеей, старой лавочкой и прудом, на котором плавали утки. Серые, ленивые, они крякали и чистили перья, как будто им некуда было спешить.

— Красиво, — сказала Кукуша. — Почему я никогда здесь не была?

— Потому что ты всегда бежала по плану, — сказал Павел. — У тебя в маршруте было: два круга по двору, затем налево, затем направо, затем домой. А Чуня идёт не спеша и туда, куда нос ведёт.

Они сели на лавочку. Она была немного мокрой после вчерашнего дождя, но Кукуша не обратила внимания. Она смотрела на уток, на старую берёзу, на облака, которые медленно плыли по небу. София побежала к пруду, Павел пошёл за ней, оставив Кукушу на лавочке с Чуней.

Собака положила голову ей на колени и вздохнула — мол, видишь, как хорошо. А ты всё время куда-то спешила.

— Чуня, — сказала Кукуша. — Ты гений.

Собака вильнула хвостом.

Они покормили уток хлебом, который нашёлся у Павла в кармане (он всегда носил с собой хлеб для птиц, потому что был хорошим человеком, хотя и не верил в Чунину философию). Чуня пыталась поймать утку — прыгнула в воду, но утка уплыла, а Чуня вылезла мокрая и обиженная.

— Не надо ловить уток, — сказала Кукуша. — Утки — не еда. Утки — созерцание.

Чуня обиделась ещё сильнее. Но через минуту уже бегала по лужам и радовалась жизни.

Кукуша смотрела на воду, на Чуню, на Павла с Софией, и думала: «Вот оно. Счастье. Не глобальное, не философское, не запланированное. Просто — сидеть на старой лавочке, смотреть на уток, чувствовать локоть Павла (который вернулся и сел рядом) и мокрый нос Чуни (которая тоже вернулась и снова положила голову на колени)».

Она вспомнила, как раньше представляла себе счастье: великие идеи, соборные круги, прорывы в духовном развитии, вечные истины, которые можно записать в блокнот. А оказалось — просто утки, просто мокрая лавочка, просто собака, которая не знает, что такое Соловьёв, но знает что-то более важное.

Дома она написала в дневнике:

«Урок второй: спонтанность — это не хаос. Это свобода от планов. Чуня научила меня останавливаться и смотреть по сторонам. Там много красивого, чего я не замечала

раньше. Я сто раз проходила мимо этого парка и не заходила, потому что он не вписывался в маршрут. А у Чуня нет маршрута. У Чуня есть нос».

Потом она подумала и дописала:

«Интересно, а если бы у меня был нос как у собаки — я бы тоже жила лучше? Или просто чаще чихала?»

Чуня, спавшая на её ногах, ничего не ответила — но, возможно, именно это и было ответом.

Глава 2. Неудачный круг

В воскресенье Кукуша решила собрать круг. Это была её давняя традиция: по воскресеньям люди собирались во дворе, держались за руки и говорили друг другу хорошие слова. Круги бывали разными: удачными и не очень, многолюдными и почти пустыми, глубокими философскими и просто весёлыми. Но в это воскресенье погода была отвратительная. Дождь лил с утра не переставая, ветер дул с такой силой, что тополь стучал ветками по крыше соседского сарая, и казалось, что небо решило смыть весь двор с лица земли.

— Может, отменим? — спросил Павел, выглянув в окно.
— Никто не придёт.

— Я обещала, — сказала Кукуша. — Я сказала в чате, что круг состоится в любую погоду. Если я отменю, люди перестанут верить в мои слова.

— Ты преувеличиваешь, — вздохнул Павел.

— В философии нет мелочей, — отрезала Кукуша.

Она посмотрела на Чуню. Собака лежала на диване, за-

рывшись в плед, так что торчал только чёрный нос и кончик хвоста. Кукуша позвала:

— Чуня, пойдёшь?

Собака не шелохнулась.

— Чуня, круг!

Из-под пледа донёсся тяжёлый вздох — такой, каким вздыхают люди, когда им предлагают сделать что-то заведомо глупое.

— Ты против? — спросила Кукуша.

Чуня высунула нос, посмотрела на хозяйку, потом снова зарылась в плед. Мол, ты взрослый человек, решай сама, но я своё мнение высказала.

— Я иду, — твёрдо сказала Кукуша. — Чунина философия — это хорошо, но круг — это святое.

Она надела самую непромокаемую куртку, взяла зонт и вышла.

Чуня осталась дома.

На площадке во дворе никого не было. Дождь барабанил по пустым скамейкам. Ветер играл с газетой, которую кто-то бросил вчера. Кукуша стояла под зонтом и ждала.

Через пять минут пришла баба Зина — в старом плаще, с огромным зонтом в горошек, который больше походил на купол цирка.

— Кукушка, ты с ума сошла, — сказала она вместо приветствия. — В такую погоду круги не собирают. Круги собирают в солнечный день, когда есть что праздновать.

— А в дождливый разве нечего праздновать? — спросила Кукуша.

— Дождливый день празднуют дома, с чаем и пирогами,
— мудро ответила баба Зина.

Через десять минут пришёл дядя Гриша. Он был мокрый до нитки, зонт вывернуло ветром, и он выглядел так, будто собирался жаловаться на жизнь ещё усерднее, чем обычно.

— Кукушка, ты бы отменила, — проворчал он. — Никто не пришёл. Нас трое. Какие тут круги?

— А вы пришли, — сказала Кукуша. — Это главное.

— Мы пришли, потому, что дураки, — буркнул дядя Гриша.

— Или потому что любите, — улыбнулась Кукуша.

— Любить в такую погоду может только ненормальный,
— сказал дядя Гриша, но почему-то не стал уходить.

Потом пришли Валерий и Лена. Валерий был в дождевике и резиновых сапогах и выглядел так, будто собрался на рыбалку. Лена — в коротком плаще и промокших туфлях, потому что не подумала, что круг состоится не в сухом помещении.

— Ну и погода, — сказала Лена.

— А где все? — спросил Валерий.

— Аня заболела, Катя заболела, тётя Люба не решилась,
— перечислила Кукуша. — Павел остался с Софией. Остальных ветром сдуло.

— То есть круг из пяти человек, — подвёл итог Валерий.

— Пять человек в такую погоду — это подвиг.

— Это не подвиг, это идиотизм, — поправил дядя Гриша, но встал в круг.

Они стояли под зонтами, пытались держаться за руки, но зонты мешали. Дядя Гриша попытался убрать зонт, но тут же намок и выругался. Баба Зина предложила встать в круг без зонтов — «всё равно уже мокрые». Валерий сказал, что не хочет заболеть перед отпуском. Лена чихнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.